

Каменный демон бесследно исчез. Малыш на его руках безутешно рыдал, надрывно требуя вернуть его домой. Шэнь Мэнчжуан быстро взвесил все «за» и «против»: пускаться в погоню за тварью с ребенком — безумие. Случись что, он и дитя подставит под удар, и демона упустит. Связываться со столь неоправданным риском сейчас не стоило, так что преследование пришлось отложить.

— Я отведу ребенка к родителям. Возвращайтесь в усадьбу Чжао, я скоро нагоню вас, — Шэнь Мэнчжуан поудобнее перехватил плачущего мальчугана и уже собрался было уходить.

Однако Лэн Шанлань и не думала сдаваться. Вперив ледяной взор в место, где только что растаяла тень твари, она упрямо процедила:

— Возвращайтесь, если хотите. Я иду по следу.

Меч Истребления Демонов взмыл в воздух, зависнув над ее головой. Клинок окутало плотное сиреневое марево, готовое сорваться смертоносным вихрем. Раз уж Каменный демон явился миру, упустить его сейчас — значит обречь простых людей на новые муки. К нечисти нельзя проявлять и капли милосердия.

Видя ее непреклонность, Шэнь Мэнчжуан нахмурился. Он прекрасно знал судьбу и сложный нрав Лэн Шанлань, но также понимал, что в одиночку против демона ей не выстоять. Лезть на рожон слишком опасно, ее нужно было во что бы то ни стало остановить.

— Исключено, — отрезал он. — Одну я тебя не отпущу. Сначала вернемся к Чжао, там все спокойно обсудим и решим, как быть дальше.

Лэн Шанлань проигнорировала его слова, продолжая внимательно изучать узор трещин на стене, где скрылся враг. Отказаться от мести, когда добыча была так близко? Никогда.

— Разговоры излишни, — холодно бросила она. — Если что-то случится, это будет только моя забота. Вас я за собой не потащу.

— Сделаешь шаг — можешь вообще не возвращаться в орден, — Шэнь Мэнчжуан стоял к ней спиной, крепко прижимая к себе ребенка. От его привычной мягкости и следа не осталось, голос так и веял непреклонной сталью.

Чжоу Буфань, переводя испуганный взгляд с одного на другого, поспешил вклиниться:

— Шанлань, ну послушай ты Старшего соученика! Одной соваться — чистое безумие.

Атмосфера накалилась до предела, повисло тяжелое, давящее молчание. Поняв, что уговоры не действуют, Е Чжэнчжэн быстро скользнула к Лэн Шанлань и, ухватив ее за рукав, умильно заглянула в лицо:

— Старшая сестра, ну пожалуйста! Тот прием, что ты показывала мне в прошлый раз... я так его и не освоила. Покажешь еще раз, а? Ну разочек!

Лэн Шанлань опустила на нее взгляд, но промолчала. Е Чжэнчжэн, почуяв слабинку, лишь крепче вцепилась в ее руку:

— Ты же знаешь, какая я бестолковая. С первого раза у меня ничего не получается, мне нужно повторить еще несколько раз!

Е Чжэнчжэн принялась легонько раскачивать ее из стороны в сторону. Лэн Шанлань могла сколько угодно строить из себя ледяную деву и обдавать окружающих холодом, за версту давая понять, что подходить к ней не стоит. Однако против нехитрого девичьего кокетства Е Чжэнчжэн у нее не было ни единого шанса. Оружие действовало безотказно: три секунды мягкого упорства — и глухая оборона пала.

Тяжело вздохнув, Лэн Шанлань признала поражение. Меч Истребления Демонов послушно скользнул обратно в ножны. Окинув застывшую в предвкушении спутницу коротким взглядом, она развернулась и зашагала прочь:

— Идем. Опоздаешь — ждать не буду.

— Уже бегу! — просияла Е Чжэнчжэн и, прежде чем броситься вдогонку, заговорщицки подмигнула Шэнь Мэнчжуану, безмолвно давая понять, что все улажено.

Шэнь Мэнчжуан мысленно перевел дух. Слава небу, младшая соученица умела подбирать ключи к этой ледышке. Иначе он, взрослый мужик, и эта... наполовину барышня, наполовину кремень, точно бы сцепились прямо здесь. Что и говорить, милота — это страшная сила.

Как только Лэн Шанлань скрылась из виду, Мэнчжуан собрался наконец отнести спасенное дитя домой. Но не успел он сделать и шага, как перед ним нарисовался Мэн Цинъян. Сияя лукавой ухмылкой, он вкрадчиво зашептал:

— Сяо Мэнмэн, одного я тебя не отпущу, сердце кровью обливается. Давай старший брат составит тебе компанию?

Услышав это, Лу Цинюань тут же встал на дыбы:

— Я тоже пойду! Я должен быть рядом со Старшим соучеником!

«Еще чего! Оставить его наедине с этим павлином?»

Лу Цинюань ни за что на свете не упустил бы своего Мэнчжуана. Он сверлил Мэн Цинъяна

свирепым взглядом, напоминая ошестинившегося щенка, который насмерть защищает свою косточку от чужаков.

Мэн Цинъян медленно повернулся к нему, состроив брезгливую мину:

— Малыш, когда взрослые разговаривают, мелюзге лучше помалкивать.

Он еще во время стычки почуял, как кто-то буравит его взглядом в спину. Надо же, этот недоросль! И откуда в таком мелком теле столько гонора? Молоко на губах не обсохло, а уже лезет отнимать чужое.

Лу Цинюань даже ухом не повел на его шпильку. Протиснувшись к Шэнь Мэнчжуану, он вцепился в его левый рукав и решительно потянул в сторону:

— Моего присутствия вполне достаточно. Брат Шэнь, нам туда.

— Держи карман шире! — Мэн Цинъян тут же перехватил свободную руку Мэнчжуана и поволок его направо. — Дорога лежит в ту сторону, голова твоя садовая!

— Нет, туда! — Лу Цинюань, уступая сопернику в росте и силе, вцепился в рукав Шэнь Мэнчжуана обеими руками. Напирая всем весом, он натужно сопел, а его лицо побагровело от натуги — вылитый пахарь, пытающийся сдвинуть с места упрямого быка.

Мэн Цинъян не придумал ничего лучше, как обхватить Шэнь Мэнчжуана поперек талии. Налегая изо всех сил, будто вытаскивал из грядки гигантскую редьку, он пригрозил мальчишке:

— Мелкий, отпусти, не то живо ремня выпишу!

Шэнь Мэнчжуан безвольно болтался между ними, как тряпичная кукла. Ребенок на руках, перепуганный этой возней, зашелся в новой истерике. За что ему все эти мучения?

— Хватит! — рывкнул он, понимая, что еще секунда, и его просто разорвут пополам. — Я справлюсь сам. А вы оба — марш обратно в усадьбу!

С этими словами он рванул с места с такой прытью, словно за ним гналась свора голодных волков. Любой заяц позавидовал бы его скорости.

Спорщики на мгновение застыли в полном ошеломлении, провожая глазами улетающего спасителя. Первым опомнился Лу Цинюань. Бросившись в погоню, он закричал на ходу:

— Брат Шэнь, стой! Подожди меня!

Мэн Цинъян тоже не заставил себя ждать. Взметнув тучи пыли, он помчался следом, завывая на всю улицу:

— Сяо Мэнмэн! Как ты мог бросить своего любимого братика?!

Казалось бы, обычное благородное дело — вернуть заблудшее чадо родителям, — но из-за этих двоих оно превратилось в дикую полосу препятствий. Шэнь Мэнчжуан петлял по глухим переулкам, перемахивал через заборы и взбирался на крыши, отчаянно пытаясь стряхнуть преследователей с хвоста.

Но разве можно так легко отделаться от банных листьев? Сладкая парочка не отставала ни на шаг, оглашая окрестности дикими воплями. Прохожие ошарашенно оборачивались: со стороны Шэнь Мэнчжуан со свертком на руках выглядел как самый настоящий похититель младенцев, спасающийся бегством от разъяренной погони.

В итоге зрелище вышло неопишемое: впереди, задыхаясь, мчится парень с младенцем, за ним, наступая на пятки, несутся двое крикунов, а позади этой кавалькады с улюлюканьем летит толпа местных мужиков, вооружившихся граблями, вилами и мотыгами с криками: «Держи вора!»

Какая боль, какая нелепость! Ну почему все шишки вечно сыплются на его бедную голову?!

Пока троица устраивала забеги по городским трущобам, остальные ученики под предводительством Чу Няньчжи благополучно добрались до усадьбы Чжао. Чжоу Буфань тут же увязался за адептами с Пика Южного Веселья кутить и пьянствовать, а Е Чжэнчжэн устроилась на заднем дворе, прилежно отрабатывая приемы, которым ее обучила Лэн Шанлань.

Эти движения разительно отличались от классических техник Школы Таинственной Лазури. Чжэнчжэн давно хотела расспросить об этом старшую сестру, да все как-то недосуг было. Наконец-то выдалась свободная минутка.

— Старшая сестра, а что это за стиль? Я прежде никогда не видела ничего подобного.

Лэн Шанлань убрала Меч Истребления Демонов в ножны, присела на каменную скамью подле раскидистого дерева и, наблюдая за тем, как неуклюже балансирует Е Чжэнчжэн со своим оружием, негромко произнесла:

— Это наследие моей семьи. Наш родовой стиль.

— Родовой? — Е Чжэнчжэн тут же опустила Меч Забвения Забот, подбежала к ней и с восхищением уставилась на спутницу. — Так твои родные тоже были искусными воинами?

Лэн Шанлань лишь едва заметно кивнула, не вдаваясь в подробности.

Любопытство Е Чжэнчжэн разгорелось с новой силой. Лэн Шанлань никогда не распространялась о своем прошлом, и то, что она, оказывается, происходила из прославленного рода, будоражило воображение.

— Расскажи, а какими они были? Твои отец и мать — прославленные мастера, познавшие Дао?

Лэн Шанлань медленно покачала головой и опустила взгляд на утопанную землю. В душе ее поднялся вихрь тяжелых, болезненных воспоминаний. Картины ушедших лет, омытые кровью и слезами, вновь встали перед глазами с пугающей отчетливостью, рана сердце не хуже острого лезвия.

— Наша семья не была богатой в привычном смысле... — после долгого молчания наконец заговорила она. Лэн Шанлань впервые в жизни открывала кому-то душу, делясь сокровенным. — Моя мать служила генералом-защитником государства, а отец занимал пост министра. Я была единственной дочерью.

— Ничего себе! — у Е Чжэнчжэн едва челюсть не отвисла. Если это не богатство и не знатность, то что тогда? — Надо же, какая благородная семья! Твоя матушка — воительница, а батюшка — ученый чиновник. Как в поговорке: «Ученый толкует с солдатом — друг друга не поймут». Наверное, им жилось очень весело!

Чжэнчжэн невольно прыснула, представляя забавные семейные сцены, но тут же мягко добавила:

— Как они поживают сейчас? Ты у них единственная дочь, должно быть, они ужасно скучают по тебе?

Брови Лэн Шанлань судорожно дрогнули, лицо подернулось мрачной тенью. Е Чжэнчжэн невольно наступила на самую болезненную мозоль в ее душе. Слова застряли в горле тяжелым, неподъемным комом.

С трудом сглотнув подступившую горечь, она глухо выдохнула два коротких слова:

— Их нет.

В этом тихом ответе сквозила бездна невыносимого страдания и застарелой, выжигающей изнутри ненависти. Вся тяжесть долга, которую она несла на своих плечах все эти годы, крылась в этом лаконичном признании.

Заметив, как потемнел взгляд старшей сестры, Е Чжэнчжэн устыдилась своего любопытства. Сердце ее болезненно сжалось от жалости:

— Прости меня... Я не хотела беречь твои раны, честное слово.

Лэн Шанлань молча покачала головой, давая понять, что не держит обиды. Она упрямо смотрела себе под ноги. Ее холодные, отрешенные глаза казались колодцами, повидавшими слишком много смертей, чтобы цепляться за земные страсти.

Не решаясь больше расспрашивать о прошлом, Е Чжэнчжэн поспешила сменить тему:

— И все равно я тебе завидую. У тебя остались хотя бы воспоминания о родителях. А я... я ведь совсем ничего не помню из своего детства.

Голос ее угас до шепота. Чжэнчжэн грустно уставилась на серые плитки двора, пытаясь выудить из глубин памяти хоть какую-то зацепку. Увы, ее прошлое рассеялось без следа, словно утренняя дымка над рекой.

Лэн Шанлань удивленно приподняла брови:

— Совсем ничего не помнишь?

— Абсолютно, — Е Чжэнчжэн мотнула головой. — Белый лист. Иногда мне кажется, что кто-то пробрался ко мне ночью, пока я спала, и украл все воспоминания. Ну или пересадил мне чужую голову!

Другая на ее месте исплакалась бы от горя, но эта чудная девчушка умудрялась обращать собственную трагедию в шутку. Невероятный дар — оставаться жизнерадостной и беспечной вопреки любым невзгодам.

— Да я серьезно! Наверняка тут замешан какой-то воришка воспоминаний, — Е Чжэнчжэн улеглась щекой на прохладный каменный стол, не отрывая взгляда от Лэн Шанлань. — Моя сознательная жизнь началась в тот самый день, когда Достопочтенный учитель вручил мне меч.

Лэн Шанлань задумчиво прищурилась:

— Когда вручил меч?

— Именно, — подтвердила Е Чжэнчжэн. — Смутно припоминаю его слова. Учитель тогда вздохнул и обронил: «Что ж, забыла — и ладно, так даже лучше». А после протянул мне этот клинок.

Лэн Шанлань скользнула взглядом по рукояти Меча Забвения Забот, о чем-то напряженно размышляя, и спросила:

— И ты никогда не пыталась заставить себя вспомнить?

— Почему же, пыталась, и не раз, — вздохнула Е Чжэнчжэн. — Но каждый раз, когда я начинаю копать в голове, виски так сжимает, будто череп вот-вот разлетится на мелкие осколки. В конце концов мне просто надоело мучиться, и я бросила это пустое дело.

Она весело заглянула Лэн Шанлань в глаза, глуповато улыбаясь. Действительно, к чему горевать о том, чего не вернуть? Главное, что сейчас у нее все хорошо.

Не успели они закончить разговор, как из бамбуковой рощи на окраине поместья донесся резкий скрежет сталкивающихся клинков. Вспышка смертоносного блеска прорезала сумерки, и несколько вековых стеблей бамбука разом повалились на землю. Судя по бешеной пляске искр, битва там разыгралась не на шутку.

— Нападение! — Е Чжэнчжэн вскинула руку, указывая на поваленный бамбук. Спутницы переглянулись и, крепче перехватив рукояти мечей, сломя голову бросились к источнику шума.

Шэнь Мэнчжуан с трудом отбивался Мечом Мирного Века, шаг за шагом отступая под яростным натиском. Вражеское острие, неостановимое и стремительное, целило прямо ему в лоб, грозя оборвать его жизнь в следующее же мгновение.

<http://bllate.org/book/20579/2152072>